

УДК 808.2-085

*А. В. Колмогорова***РЕЧЕВОЙ СУБЖАНР «НИГЕРИЙСКИЕ ПИСЬМА»
КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КОММУНИКАТИВНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ**

В статье анализируются особенности реализации манипулятивного воздействия в пространстве такой разновидности речевого жанра как «письма счастья», «нигерийские письма». Постулируется, что данный субжанр является формой для осуществления управления под маской диалога, что обуславливает его принадлежность пространству дискурса лжи. Выявляются три динамических типа дискурса в рамках жанровой разновидности «нигерийские письма», определяющие характер развертывания манипулятивного коммуникативного взаимодействия, а также три разновидности пар автор-адресат, определяющих различные «подвиды» писем внутри данного субжанра.

Ключевых слова: речевой жанр, субжанр, коммуникативная манипуляция, мистификация, дискурс лжи, автор, адресат.

*A. V. Kolmogorova***SPEECH SUBGENRE “NIGERIAN LETTERS” AS A FORME OF
COMMUNICATIVE MANIPULATION**

The article deals with the problem of manipulative impact realization forms in the discourse of «Nigerian letters». It is argued that the type of discourse under discussion belongs to the discursive field of lie. Three dynamic types of discourse within «Nigerian letters» are detected: ascendant, descendant and pointed. Types of author-reader couples defining various «subspecies» of the letters within the subgenres are also proposed.

Keywords: discourse, communication, manipulation, discourse of lie, author, reader.

С распространением электронной коммуникации возник и бурно расцвел такой речевой жанр (далее – РЖ), как «письма счастья». Одной из разновидностей данного РЖ являются так называемые «нигерийские письма». Эта номинация закрепилась за распространенным видом мошенничества, получившим развитие с появлением массовых рассылок по электронной почте и состоящим в том, что от имени лиц различного социального статуса и рода деятельности, проживающих в одной из африканских стран, у получателя письма просят помощи во многомиллионных денежных операциях, обещая солидные проценты с сумм. Взамен адресат подобного письма должен предоставить лицу, позиционирующему себя как автор письма, некоторые свои персональные данные, как то: адрес, паспортные данные, номер банковского счета или кредитной карты. Если полу-

чатель согласится участвовать, у него постепенно выманиваются крупные суммы денег якобы на оформление сделок, уплату сборов, взятки чиновникам, а потом и штрафы. Если получатель отправляет свои данные, а затем, в какой-то момент, отказывается от «сотрудничества», его начинают шантажировать, используя полученные персональные данные. Послания написаны, как правило, на английском или французском языках. Мошенничество приобрело настолько большие масштабы, что правительства многих стран, в частности – самой Нигерии, создали специальные сайты, описывающие алгоритм обмана и предупреждающие граждан об опасности.

Данный вид мошенничества «привлекателен» для лингвистического анализа по двум причинам. Во-первых, мошенник и жертва никогда не видят друг друга

и не встречаются, следовательно, все разрушительное воздействие строится в рамках дискурса посредством только речевых средств. Во-вторых, данные формы исключительно речевого воздействия имеют четкую и повторяющуюся структуру, значит, они вполне обоснованно могут рассматриваться в категориальном пространстве речевого жанра.

Таким образом, настоящая статья посвящена анализу и описанию составляющих жанра «письмо счастья» на примере одного из его субжанров, известного как «нигерийские письма». Материалом для лингвистического анализа послужили письма на английском и французском языках, полученные автором статьи, а также коллегами и друзьями.

Проблема определения сущности РЖ, его типологии активно разрабатывается в современной лингвистике [5]. Тем не менее, в генрике нет единообразия во мнениях относительно того, что же такое РЖ и каковы критерии его выделения. Существует несколько направлений в изучении данной проблематики [4]: 1) лингвоцентрическое, в котором в качестве конститутивных признаков РЖ рассматриваются тема и композиция речевого произведения как лингвистического факта; 2) прагматическое, в котором для определения РЖ учитывается целый комплекс признаков, характеризующих ситуацию диалогического взаимодействия коммуникантов (место, время, интенции, социальный и культурный контекст); 3) коммуникативная генристика, преследующая цель синтезировать два вышеназванных подхода для создания методики описания РЖ как средства формализации (при помощи языка) социального взаимодействия. Возвращаясь к вопросу о дефиниции, отметим, что нам близка точка зрения исследователей, подчеркивающих, что РЖ является, прежде всего, формой социального взаимодействия, осуществляемого в языковой коммуникации. Возможно, что РЖ имеет архетипический характер [1], по-

скольку, как отмечает К. Ф. Седов, «жанровое мышление, как это ни парадоксально, начинает формироваться значительно раньше первых вербальных проявлений, задолго до начала формирования у ребенка языковой структуры» [9, с. 237]. По мнению исследователя, РЖ является универсальной лингвофилософской категорией, поскольку в ходе развития социолингвистической компетенции человека система жанровых фреймов становится имманентной его сознанию структурой, которая одновременно отражает представления о социальных формах взаимодействия людей и речевых нормах коммуникативного оформления этого взаимодействия.

Итак, РЖ есть вербальная рамка для сложившейся и вполне определенной формы социального взаимодействия [2] или социальной коммуникации. А. В. Соколов [10] предлагает выделять три типа социальной коммуникации: подражание, диалог и управление. Представляется естественным предположить, что в анализируемом нами случае доминирующим типом социальной коммуникации будет являться последний – управление: мошенники делают попытку управлять своей «жертвой». Поскольку управление может осуществляться, в принципе, при наличии соответствующих физических возможностей и/или социальных полномочий, а мошенники не обладают ни теми, ни другими, то избранный ими тип социальной коммуникации «мимикрирует» под диалог, в котором важно заинтересовать собеседника, найти с ним общие точки соприкосновения. Следовательно, социальное взаимодействие разворачивается в пределах онтологической категории лжи. Еще Св. Августин определил сущность действия «лгать» как противоречить своему собственному мнению, своим мыслям с целью обмануть (*mentir signifie parler contre sa pensée avec l'intention de tromper*) [12, с. 39]. В нашем случае адресант знает, что осуществляет управление,

но, вступив в противоречие со своим знанием, создает вербальную оболочку диалога. По словам С. Н. Плотниковой, неискренний человек в принципе представляет собой удвоенную дискурсивную личность особого типа. Это личность, распадающаяся на внешнюю, неискреннюю, и наблюдающую за ней внутреннюю, искреннюю личность [5, с. 269]. В таком случае необходимо уточнить, какую субкатегорию лжи актуализирует рассматриваемый нами РЖ.

Разновидностей лжи, а, следовательно, и лексических единиц, их называющих, выделено немало [5]: неискренность, лицемерие, обман, притворство, дезинформация, клевета, инсинуация, мистификация, манипуляция. На наш взгляд, именно последняя разновидность наилучшим образом соответствует сути социального взаимодействия, реализуемого в рамках РЖ «письмо счастья». Так, С. Г. Кара-Мурза [6] выделяет несколько характерных признаков манипуляции, в их числе: 1) духовный, психологический характер воздействия; 2) скрытый характер воздействия; 3) данный вид воздействия требует значительного мастерства и знаний; а также 4) предполагает достаточно активное участие «жертвы», то есть, по меткому замечанию С. Г. Кара-Мурзы, «манипуляция – это не насилие, а соблазн» [6]. А. Г. Поспелова и Е. Н. Шустова отмечают, что в реальном речевом общении достаточно часто сочетаются манипуляция и мистификация [8, с. 226]. В числе отличительных черт последней исследователи называют: 1) отсроченный характер перлокутивного эффекта или наличие посткоммуникативной силы; 2) пассивная роль адресата: он просто наблюдает за развертывающимся перед ним спектаклем, не подозревая о реальном сценарии.

В рассматриваемом нами случае, действительно, можно говорить о гетерогенном характере социально-коммуникативного взаимодействия. С одной стороны, налицо

основные признаки манипуляции: оказывается продуманное скрытое психологическое воздействие, рассчитанное на активное участие адресата, что сближает социально-коммуникативную цель данного РЖ с манипуляцией. С другой стороны, как правило, перед адресатом разворачивается нарратив, повествующий о перипетиях жизни адресанта (вымышленного персонажа), завершающийся просьбой сообщить некоторые, ни к чему не обязывающие, сведения (домашний адрес, телефон, Ф. И. О.) и предполагающий отсроченную реакцию адресата. Перечисленные характеристики сближают данный тип коммуникации с мистификацией.

Итак, РЖ «письмо счастья» актуализирует онтологическую категорию лжи. Цель же социально-коммуникативного взаимодействия, осуществляемого в вербальных рамках рассматриваемого РЖ, носит контаминированный характер манипуляции с элементами мистификации.

Рассмотрим некоторые закономерности развертывания дискурса в границах рассматриваемого РЖ. В рамках субжанра «нигерийский письма» можно выделить несколько динамических типов дискурса: восходящий, нисходящий и точечный.

«Восходящий» дискурс начинается с «мистификационного спектакля» (пр. 1): медленного и подробного рассказа о жизни «несчастливого» адресанта, а затем постепенно «убыстряется» и заканчивается «манипулятивным посылом» (пр. 2):

(1) *Je voudrais bien me présenter a vous afin que nous puissions continuer notre correspondance. Je suis Mme, EVELYNE DEVAINE. J'étais mariée à Monsieur JEAN-PAUL DEVAINE, qui fut un grand planteur de café et cacao et qui a travaillé pour les forces marines d'Angola pendant neuf ans avant qu'il ne décède en 2002.*

Nous étions mariés pendant onze années et malheureusement nous n'avons pas eu d'enfant pour cause ma stérilité.

Il est décédé à la suite des évènements politiques qu'à subi mon pays par un assassinat. Avant son décès, nous étions tous deux de fervents chrétiens et prêchons même la parole de Dieu dans notre communauté religieuse. A sa mort, j'ai décidé de ne pas me remarier.

Je vous précise que Du vivant de mon défunt mari, il avait eu à déposer la somme de 10 Millions \$ américain (DIX millions Dollars américains) qui se trouve dans une caisse métallique dans une compagnie de sécurité à Abidjan ici en Côte d'Ivoire. Actuellement, cet argent est toujours dans cette compagnie de sécurité. Malheureusement, récemment, mon médecin traitant m'a informé du fait que je souffrais d'une maladie sérieuse : le cancer qui me condamne à la mort d'un moment à l'autre. Mais aussi de l'hypertension artérielle.

(Я бы хотела представиться для того, чтобы мы смогли продолжить переписку. Меня зовут мадам Эвелин Девэн. Я была замужем за г-ном Жан-Полем Девэном, в прошлом – владельцем обширных плантаций кофе и какао, в течение 9 лет, до самой своей смерти в 2002 году работавшем на военно-морские силы Анголы. Мы были женаты 11 лет и, к сожалению, у нас не было детей, поскольку я бесплодна. Он был убит во время политического кризиса в Анголе. При его жизни мы оба были ревностными христианами, и мы даже проповедовали в нашей религиозной общине. После его смерти я приняла решение больше не выходить замуж. Должна уточнить, что еще при жизни мой муж положил сумму в 10 млн. американских долларов в сейф одной из страховых компаний в Абиджане, здесь, в государстве Берег Слоновой Кости. Деньги по-прежнему находятся там. К несчастью, недавно мой лечащий врач сообщил мне, что я страдаю от рака, и что со дня на день я могу умереть. К тому же, у меня высокое артериальное давление).

(2) *De ce fait Je voudrais avoir près de vous les informations suivantes: Votre nom com-*

plet, un numéro de téléphone et si possible de savoir vos motivations et aspirations dans la vie (Поэтому я бы хотела получить следующую информацию: ваше полное имя, номер телефона, и, если возможно, немного о ваших планах на жизнь).

Другой динамический тип манипулятивного дискурса – «нисходящий дискурс», начинающийся с «манипулятивного посыла» (пр. 3–4) и постепенно заканчивающийся общим замедлением темпа и силы коммуникативного воздействия:

(3) *Dear Sir / Madam.*

It is my pleasure to write this letter to you. First, I must ask your utmost confidentiality in this transaction by virtue of it being utterly confidential. I am Khumalo Peterson a member of the South African Export Promotion Council (SAEPC) who was with the government delegation to Europe during a bilateral trade conference.

I have decided to seek your assistance and co-operation in the execution of a business transaction described here under for the benefit of all parties and hope that you keep it confidential because of the nature of the Transaction. We basically seek your assistance to front in the transfer of US\$30, 500, 000. 00(Thirty Million, Five Hundred Thousand United States Dollars Only). (Уважаемый Господин/Госпожа. Я имею честь написать Вам письмо для того, чтобы, во-первых, попросить Вас о соблюдении исключительной конфиденциальности, поскольку та денежная операция, о которой идет речь, чрезвычайно секретна. Меня зовут Кумало Петерсон. Я – член Южноафриканского Совета по развитию экспорта, и я был в составе правительственной делегации, принимавшей участие в двусторонних торговых переговорах, проходивших в Европе. Я решил попросить Вас о содействии и сотрудничестве в проведении одной бизнес-операции, которую я здесь описываю, способную принести выгоду всем ее участникам.

Надеюсь, что Вы сохраните конфиденциальность, как того требует характер проводимой операции. Мы обращаемся к Вам за помощью для того, чтобы осуществить перевод денежной суммы в 30 миллионов пятьсот тысяч американских долларов).

4) *Bonjour,*

Je suis Mr Jean-Luc Michel, le directeur des opérations financières dans une banque commerciale ici en COTE D'IVOIRE. j'ai une proposition financière confidentielle à vous faire. Une somme flottante de \$10. 850 millions de dollars US appartenant à un défunt client dont le nom n'a pas été identifié et noté non-revendiqué dans nos audites et archives (Здравствуй-те, меня зовут г-н Жан-люк Мишель, я – директор по финансовым операциям в одном из коммерческих банков здесь, в государстве Берег Слоновой Кости. Я хочу сделать вам конфиденциальное финансовое предложение. На счетах банка имеется не учтенная никаким аудитом сумма в 10 850 млн. долларов США, принадлежащая уже покойному клиенту, имя которого неизвестно...).

Следующий динамический тип условно можно назвать «точечным» или «шоковым», поскольку дискурс включает в себя, практически, только «манипулятивный посыл» (пр. 4):

(5) *Bonsoir bien aimé,*

Je suis Monsieur Serge DEMARTEAU, né le 15 Mai 1958.

Je me permets de vous contacter, suite à la douloureuse nouvelle que je viens d'apprendre par mon docteur. Je souffre d'un cancer de gorge.

- *Votre nom complet,*

- *Votre adresse complète,*

- *Un numéro de téléphone et si possible le fax.*

Je compte sur votre bonne volonté et surtout que vous ferez bon usage de ces fonds.

Serge DEMARTEAU.

(Здравствуй, мой милый. Меня зовут Серж Демарто, я родился 15 мая 1958 года. Я связываюсь с Вами по причине ужасной новости, которую сообщил мне мой лечащий врач. Я болею раком горла. Ваше имя, полный адрес, номер телефона и, если возможно, факса. Я рассчитываю на Вашу добрую волю и, в особенности, на то, что Вы разумно распорядитесь этой денежной суммой. Серж Демарто).

Обратимся к особенностям репрезентации таких, уже ставших классическими, элементов описания РЖ, как «образ автора» и «образ адресата» [11]. Образ автора – это информация об авторе как об участнике общения, которая «заложена» в речевой жанр и обеспечивает ему успешное осуществление. Наиболее чувствительны к этому параметру императивные жанры (приказ, просьба, поучение, жалоба). Приказ предполагает автора с определенными полномочиями; просьба предполагает заинтересованность автора в исполнении обсуждаемого действия; поучение – старшинство автора по отношению к адресату; жалоба включает в свой типовой проект образ автора пострадавшего. Для образа автора речевого жанра едва ли не на первом месте стоят его отношения с адресатом.

Образ адресата складывается из представлений активного участника речевого взаимодействия о своем собеседнике. Среди императивных жанров основную массу составляют жанры с адресатом-исполнителем, то вынужденным принимать такую роль (приказ), то принимающим ее в своих интересах (совет, рекомендация); жалоба представлена разновидностями, различающимися образом адресата.

Можно выделить несколько разновидностей пар автор – адресат в рассматриваемом субжанре «нигерийские письма».

Первая пара: автор – «Несчастный», а адресат – «Филантроп». Образ «Несчаст-

ного» представлен масками «юная африканская сирота, богатая наследница, лишенная всего», «больной/ая раком». Отметим, что для данной разновидности образа автора характерно точное указание на возраст «Несчастливого»: это либо девушки 17–18 лет, либо люди (не независимо от пола) за 50. Данный тип образа автора формируется, во-первых, при помощи стилистически маркированных (сентиментальный публичный дискурс, характерный для ток-шоу и сериалов) лексических единиц и клишированных сочетаний эвфемистического характера. Наиболее частотная глагольная лексема *souffrir* (страдать), клише *avec les larmes aux yeux* (со слезами на глазах), *mes jours sont définitivement comptés* (мои дни сочтены), *mon état de santé ne cesse de s'empirer de jour en jour* (состояние моего здоровья ухудшается день ото дня), *ma fin sur cette terre des hommes* (мой конец на планете людей), эвфемизм *sur cette terre des hommes que je quitterai sûrement très bientôt* (на этой планете людей, которую я скоро покину). Во-вторых, широко представлено функционально-семантическое поле отрицания, передающее идею лишения, депривации: повторяющиеся отрицательные конструкции *ni...ni* (*je n'ai ni famille, ni enfants, ni père, ni mère*), *ne... non plus* (*je ne veux non plus*), использование в структуре отрицания прилагательного *aucun* (*je n'ai aucun enfant, je n'ai aucun proche*), а также морфемно-словообразовательные средства, передающие семантику отрицания (*les non-croyants*). В построении образа адресата «Филантроп» большую роль играет оппозиция «неопределенность/определенность», реализующаяся как лексическими, так и грамматическими средствами. Этот прием создает аллюзию на человека, который сначала ищет глазами кого-то в толпе, а затем находит. Для реализации этой аллюзии используется иконический способ актуализации языковых

знаков: сначала употребляется существительное *personne* с неопределенным артиклем *une* в синтаксической роли прямого дополнения к глаголу *chercher* (искать), пр. 6–7:

(6)... *je cherche une personne digne de confiance...*;

(7) *Je recherche de ce fait une institution religieuse ou une personne de confiance ayant cette crainte de Dieu qui mettra ces fonds aux services des orphelinats, des veuves, des édifices religieux, propageant ainsi la parole de Dieu et faire en sorte que l'œuvre de Dieu soit maintenue*, а затем адресант обращается напрямую к адресату, используя дейктическое местоимение *vous* и то же существительное *personne*, но уже с определенным артиклем, стремясь изобразить жест указания – выбора (пр. 8):

(8) *Je viens par ce mail vous demander d'être la personne qui me permettra de voir réaliser mes oeuvres pas encore accomplies sur cette terre des hommes.*

И наконец, письмо завершается обязательством, возлагаемым на адресата, в купе с «авансом доверия» (пр. 9):

(9) *Je compte sur votre bonne volonté et surtout sur votre sens du partage et du respect des personnes malheureuses sur cette terre des hommes...* (Я рассчитываю на вашу добрую волю и, в особенности, на ваше чувство сострадания и уважения к несчастным, живущим на этой планете, людям...)

Следующая пара «образ автора/образ адресата» может быть обозначена как «Знатоки системы – Добровольный помощник». Образ знатока системы формируется, во-первых, при помощи использования банковской терминологии: франц. *une somme flottante, un client, les audites, débloquer ces fonds, confisqués au trésor du gouvernement en tant que fonds non-revendiqués, transférer les fonds, le compte bancaire, une transaction*; англ. *the transfer of funds, a foreign account*,

contractors. Во-вторых, в первых же строках письма называется должность автора письма (*Je suis Mr Jean-Luc Michel, le directeur des opérations financières dans une banque commerciale ici en COTE D'IVOIRE; My name is Dr. James Price, a 50 year old British born citizen. I head a Seven-man Tenders Board Committee in charge of contracts Award, Vetting, Evaluating and payments, I am a managing director of Shell Petroleum in (Africa)*), а в тексте письма несколько раз повторяется информация о том, что автор письма занимает высокое положение в банковской иерархии: *en tant qu'un des dirigeants principaux de la banque, je suis obligé de vous informer; ma position au sein de la banque me permet de couvrir n'importe quel risque et de plus je suis la seule personne à superviser cette transaction.*

Образ адресата сугубо функционален: здесь нет намеков и указаний на нравственные качества личности, взываний к его жалости или религиозным чувствам – адресату просто предлагается выступить в данной финансовой схеме в роли близкого родственника усопшего клиента, при этом ему гарантируется абсолютная безопасность и конфиденциальность сделки и предлагается в итоге разделить сумму напополам. Письмо завершается, как правило, просьбой никому об этом не рассказывать.

И, наконец, третья разновидность писем, составляющих субжанр «нигерийские письма» в жанре «письмо счастья», – это разновидность, в которой фигурирует автор «Сумасбродный финансист» и адресат «Партнер-счастливчик». Образ первого создается, прежде всего, частыми повторами в начале и конце письма личного прилагательного местоимения *je/I/me*, а также притяжательного прилагательного *mon*:

(10) *Je suis un particulier Mr DONOTIMU. M. GALOPO Ancien politicien, en recherche de partenariat avec qui je peux investir, même si*

on se connaît pas, j'ai le désir d'investir dans votre pays à travers vous car c'est mon désir.

Je pense bien que cela va nous rapporter énormément car j'ai appris q'il y a une crise financière qui touche actuellement le monde entier y compris votre économie dans votre pays. Sachez bien que ce projet ou investissement que je compte faire dans votre pays dont vous serrez bien entendue associer comme partenaire indiscutable au projet sera bien en votre nom.

I will be happy if you can have the same desire with me, please write me back so that we can know more about each other.

Следует отметить также важную роль существительного *désire* (желание) в формировании образа сумасбродного финансиста: вопреки распространенному мнению о том, что финансисты расчетливы, умны и не дают воли эмоциям или субъективным оценкам, автор, посредством частого употребления данной лексемы, представляется как личность, обуреваемая эмоциями и желаниями.

Однако в основной части письма постепенно начинает встречаться местоимение *vous*, притяжательное прилагательное *votre*, которые также начинают чередоваться с «объединяющим» *nous* (пр. 11):

(11) *Il sera prudent pour nous d'ouvrir un nouveau compte en votre nom dans n'importe quelle banque internationale ici en République du Bénin. Ce compte nous permettra d'effectuer les virements des tous les fonds dont nous aurons besoin pour l'investissement, les projets ou dans votre société si possible pour l'agrandissement, 20 % de Bénéfices réaliser chaque année nous reviendrons et les 80 % restant vous reviendra en tant que propriétaire de la société ou propriétaire de nouveau projets.*

Таким образом, при помощи своеобразного «жонглирования» прилагательными личными местоимениями формируется образ партнера, уже, практически, включенного в круг «своих», вошедшего в своеобразное окружение «бывшего политика».

В заключение отметим некоторые общие коммуникативно-прагматические особенности, характерные для всех выделенных разновидностей субжанра «нигерийские письма», из которых первые три отмечаются как свойственные дискурсу лжи в целом [3]:

1) чрезмерная, нарочитая точность описания событий (особенно отдаленных по времени);

2) настойчивое, неоднократное (навязчивое) инициативное повторение каких-либо утверждений, фраз, клише, наконец, отдельных слов;

3) неуместные, неоднократные ссылки на свою добропорядочность и незаинтересованность;

4) графическая хаотичность и неоформленность дискурса, которая заключается в пренебрежении знаками препинания, а также правилами, регулирующими случаи написания прописной и строчной букв.

Подчеркнем, что последнее из перечисленных свойств является одной из важных уловок манипулирования, поскольку нарушение привычных правил графического восприятия текста отвлекает от его содержания, способствует формированию состояния общей растерянности его адресата.

Подводя итоги, можно отметить, что жанр «письмо счастья», являясь традиционной жанровой формой дискурса лжи, получает, благодаря технологиям электронной коммуникации, в современном обществе все большее распространение. Как показывают наблюдения, данный РЖ неоднороден и включает в себя несколько разновидностей – субжанров, одним из которых является субжанр «нигерийские письма». Субжанр «нигерийские письма» является формой для осуществления такого вида социальной коммуникации, как управление под маской диалога, что обуславливает принадлежность данного субжанра пространству дискурса лжи. Данный субжанр сочетает в себе элементы таких разновидностей лжи, как манипуляция и мистификация. В анализируемом субжанре можно выделить три динамических типа дискурса, отражающих характер развертывания манипулятивного коммуникативного взаимодействия, а также три разновидности пар автор – адресат, определяющих различные «подвиды» писем внутри данного субжанра.

В целом представляется, что данный РЖ является перспективным объектом для более детального лингво-коммуникативного анализа.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семиологические корреляции // *Жанры речи*. – Саратов, 2005. – С. 50–63.
2. Бахтин М. М. Марксизм и философия языка // *Театрология*. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 298–456.
3. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М.: Алгоритм, 2002. – 288 с.
4. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 560 с.
5. *Жанры речи*. – Вып. 4. – Саратов, 2005. – 465 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2009. – 846 с.
7. Плотникова С. Н. Человек неискренний: Концепт «Неискренность» в концептосфере языка и дискурса // *Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: коллективная монография / под ред. Ю. М. Малиновича*. – М.; Иркутск, 2003. – С. 138–167.
8. Поспелова А. Г., Шустова Е. Н. Косвенные коммуникативные единицы, связанные с манипулированием и мистификацией // *Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст.* – Саратов: Изд-во гос. УНЦ «Колледж», 2003. – С. 220–227.

9. Седов К. Ф. Дискурс и личность. – М.: Лабиринт, 2004. – 317 с.
10. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 461 с.
11. Шмелева Т. Б. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 116–123.
12. Timmermans В. La vérité suspecte, le mensonge innocent: la chair du discours à l'âge classique // Mensonge, mauvaise foi, mistification : recueil de textes sous la rédaction de T. Lorrain. VRIN, 2004. – P. 28–47.